

А.К. Викснэ

С.Н. Астапов

Буддийское понимание чудес: кейс Хамбо-ламы Итигэлова

Аннотация. Рассказы о нетленном теле Пандито Хамбо-ламы XII Даши-Доржо Итигэлова приобрели характер нарративов о чуде. В статье предпринята попытка определить значение дискурсов о «чуде Итигэлова» для современного российского буддизма. В связи с этим исследуется понимание чудес в традиции Махаяны, объяснение нетленности тела ламы в тибетском буддизме и соотношение современных дискурсов о «чуде Итигэлова» с этими трактовками. Используя в качестве методологической основы дискурс-анализ, авторы статьи рассматривают чудо не как онтологический факт, а как нарратив о событии, имеющий особую привлекательность, и, в то же время, смысловую важность для религиозной традиции. В ходе исследования установлено, что в религиозных дискурсах Махаяны о чудесах имеет место яркое противопоставление просветлённого опыта обыденному для того, чтобы привычный способ существования и сансарические феномены предстали обманчивыми по сравнению с вечной и абсолютной реальностью и всеведением Будды. Чудо предстаёт как выражение, во-первых, особых качеств Будды, во-вторых, особых качеств, которые может приобрести человек, достигнув определённой ступени совершенствования, в-третьих, как искусное средство для достижения дидактических целей. Способности Итигэлова рассматриваются в традиции тибетского буддизма как результат высокого уровня постижения и мудрости на тантрическом пути. С этой позиции современные дискурсы о «чуде Итигэлова» можно рассматривать не только как рассказы о сверхъестественных качествах ламы, но и как указание на то, какие способности приобретает человек в буддизме. Таким образом этот кейс подтверждает общую направленность религиозных дискурсов на демонстрацию спасительной исключительности своей религии.

Ключевые слова: дискурс, Махаяна буддизм, нетленное тело, смерть, тантра, Хамбо-лама Итигэлов, чудо

Alisa K. Viksne¹, Sergey N. Astapov²

^{1,2} Southern Federal University
^{1,2} 105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344065, Russia
¹ alisviksne@gmail.com; ² snastapov@sfedu.ru

The Buddhist Understanding of Miracles: The Case of Hambo Lama Itigelov

Abstract. The stories about the incorruptible body of Pandito Hambo Lama XII Dashi Dorjo Itigelov have acquired the characteristics of narratives about a miracle. This article attempts to identify the significance of discourses about the “miracle of Itigelov” for modern Russian Buddhism by investigating the concept of miracles in the Mahayana Buddhism, the explanation for the incorruptibility of the lama’s body in Tibetan Buddhism and the correlation between these two concepts and modern discourses regarding the “miracle of Itigelov”. Using discourse analysis as a methodological approach, the authors of the article consider the miracle as not an ontological reality, but rather as a narrative about an event that has a special appeal and at the same time semantic significance for religious traditions. The study found that, in Mahayana religious discourses, miracles are vividly contrasted with everyday experience in order to make the everyday existence and samsara phenomena seem deceptive in comparison to the eternal and absolute reality Buddha’s omniscience. The miracle appears, firstly, as an expression of the unique qualities of the Buddha, secondly, as special qualities that can be acquired after achieving a certain level of perfection, and thirdly, as a skillful means for didactical

purposes. In the Tibetan Buddhist tradition, Itigelov's abilities are seen as the result of his high level of comprehension and wisdom in the Tantric path. From this perspective, modern discourses on the "miracle of Itigelov" can be seen not only as stories of lama's supernatural powers, but also as indications of abilities that can be achieved in Buddhism. Thus, this case confirms the general intention of religious discourses – to demonstrate the exclusivity of their religion.

Key words: death, discourse, Hambo Lama Itigelov, incorruptible body, Mahayana Buddhism, miracle, Tantra

Введение

Парадоксы и аномалии, с которыми сталкивается человек и которые он не может объяснить с позиции имеющихся знаний, порождают дискурсы о чудесах. Один из таких парадоксов связан с обретением в 2002 г. (через 75 лет после смерти) нетленного тела Пандито Хамбо-ламы XII Даши-Доржо Итигэлова – событием, которое не только обсуждалось в конфессиональном кругу бурятских буддистов, но и вызвало широкий общественный резонанс. Удивительное событие вызвало интерес паломников из разных стран, учёных и экспертов. На сегодняшний день имеется множество материалов научного и ненаучного характера, посвящённых данному феномену, и, поскольку он не получил однозначного и окончательного публичного объяснения, убеждённости в его чудесном характере сохраняется у многих. Этот феномен порождает вопросы о том, как понимаются чудеса в буддизме, какова роль повествований о них в буддийской религии. Поиску ответов на перечисленные вопросы посвящена наша статья. Мы обращаемся к наследию Махаяны – в том виде как оно представлено в современных исследованиях – чтобы определить значение дискурсов о нетленном теле Хамбо-ламы Итигэлова для современного российского буддизма.

Несмотря на известность «чуда Итигэлова», в отечественных исследованиях последних лет отсутствует систематический анализ буддийских историй о чудесах, хотя немногочисленные статьи, посвящённые тем или иным сторонам этого явления, обнаруживаются. Так, в статье Н.Н. Трубниковой [Трубникова, 2019] выявлена роль рассказов о чудесах в японском буддизме – они служат иллюстрациями действия закона всеобщего воздаяния. В статье Н.В. Александровой основная функция повествований о чудесах сакральных мест связывается с обозначением событий сакрального прошлого [Александрова, 2021]. Представляет интерес и осмысление чудес в контексте сюжетов буддийской мифологии такими авторами, как А.Л. Баркова [Баркова, 2007] и О.С. Хижняк [Хижняк, 2011]. Большой интерес к исследованию чудес, магии и сверхъестественных сил в буддизме отмечается в западной литературе. Отношение буддизма к чудесам рассматривается такими авторами, как Ф. Гранофф [Granoff, 1996], Г. Уоллис [Wallis, 2008], С. ван Шайк [Шайк, 2022] и др. Наиболее детально, с переводами разнообразной канонической литературы, изучение буддийских историй о чудесах представлено в публикациях Д. Фиордалиса [Fiordalis, 2008; 2010; 2014; 2021].

Следуя исследовательской логике этих авторов, мы рассматриваем чудо не как онтологический факт, а как рассказ о событии, обладающий особой привлекательностью и в то же время – смысловой важностью для религиозной традиции. Методологической основой нашего исследования выступает дискурс-анализ – междисциплинарный подход, который используется в разных социо-гуманитарных исследованиях: лингвистике, религиоведении, культурологии, социологии. Основание его методологических принципов в отечественной научной литературе можно найти у таких авторов, как Е.В. Переверзев [Переверзев, 2009], Ю.В. Ирхин [Ирхин, 2014], М.Н. Красина [Красина, 2018]. Согласно этому подходу, любое свидетельство о чуде следует рассматривать как особое повествование об удивительном случае в разных видах дискурса (религиозном, художественном, политическом, житейском). Дискурсом мы называем коммуникативную ситуацию, в исследовании которой имеет значение не только содержание речи или текста, но и социокультурные обстоятельства, мировоззренческие позиции и интенции участников, а также цели высказываний. Информация адресатом коммуникации воспринимается, пре-

жде всего, как система сигналов для определённой деятельности, соответственно и адресант коммуникации, в нашем случае – рассказчик о чуде, имеет намерение вызвать определённую реакцию адресата на свой рассказ. Особенность религиозных дискурсов состоит в том, что их главной целью является не передача информации, а убеждение в исключительной важности религиозного переживания и исключительного (спасительного) значения той религии, относительно которой ведётся коммуникация. Рассказ о чуде имеет направленность либо на укрепление веры и религиозную трансформацию личности, если реципиенты – единоверцы, либо, если не единоверцы, – на убеждение их относительно необходимости религиозного обращения, демонстрацию спасительной исключительности своей религии. Таким образом, понимание чуда определяется дискурсом о чуде, причём, главным образом, целью или интенцией дискурса. Событие обретает статус чудесного, когда о нём *рассказывают* как о чуде.

Значение чудес в традиции Махаяны

Повествования о различных чудесных деяниях и событиях включались в широкий комплекс текстов на протяжении всей истории буддизма. Как в Южной, так и в Северной традиции буддизма они отражены и в канонических источниках, и в корпусе комментирующей литературы. Однако, несмотря на свою многочисленность, буддийские истории о чудесном часто бывают незнакомы или непривычны не только секулярному сознанию наших современников, но даже современным российским адептам буддизма, а буддийская интерпретация чуда до сих пор остаётся недостаточно концептуализированной в исследованиях.

Восприятие чудесных явлений может быть разным внутри буддийского сообщества, поскольку буддизм не предписывает своим последователям обязательную веру в чудеса, что, однако, не говорит об отсутствии этой веры. В буддизме чудо символизирует безграничность просветлённого ума, его возвышенные состояния и безмерные качества. На символическом уровне сюжеты о «чудесном» объясняют смысл буддийских идей в доступном изложении: в этом смысле некоторые исследователи рассматривают чудеса как «уловки», показывающие путь к просветлению [Трубникова, 2019, 83] или как «подкрепления» и «напоминания», которые помогают верующему в восприятии слишком сложного вероучения [Фишер, 2001, 8]. Рассказы о чудесах раскрывают содержание доктрины, передавая её высшие религиозные идеалы.

Понятие чуда в Махаяне на санскрите выражается словом *pāṭihāriya* – «необычное явление», «волшебное зрелище», «трансформация», «проявление», «сила», «чудеса», «волшебная игра разума». В распространённой типологии чудес выделяются следующие три категории: *iddhi-pāṭihāriya* – сверхчеловеческая сила или магическое действие; *ādesanā-pāṭihāriya* – чудо чтения мыслей, телепатия, способность видеть ум другого человека; *anusāsani-pāṭihāriya* – чудо наставления, обучение Дхарме [Fiordalis, 2008, 48]. Будда использует все эти разновидности чудесного вместе или последовательно, включая их в единый процесс наставления, но высшим типом чуда признаётся Дхарма, так как только она ведёт к подлинному пониманию реальности и к освобождению от страданий.

Чудо – это то, что созерцается непосредственно, а значит, у этого акта всегда есть наблюдатели – это слушатели, миряне, другие аскеты. Для них прерывается профанный, обыденный порядок вещей, и они получают возможность раскрытия внутреннего потенциала: «многочисленные окружающие, видя подобное, породили в себе помысл о наивысшем духовном пробуждении», «обрели плод и духовные заслуги, предопределяющие высшее рождение» [Сутра, 2002, 80–82].

В буддийских повествованиях автором чуда выступает просветлённое существо: Будда, архат, бодхисаттва. Проявление чудесных способностей напрямую связано со знаниями и духовными достижениями. В этом просветлённые противопоставляются соперничающим с ними и между собой аскетам, которые незначительно манипулируют элементами природы (вызывают дождь, свет, огонь), либо используют магические предметы и заклинания. В буддийских текстах даётся предостережение от таких «иллюзионистов», которые хвастаются, бросают вызов другим, выставляют всё напоказ. Эти люди удивляют публику, действуя в личных корыстных интересах, они не ведут к истине и освобождению.

Будда обладает всеведением – высшим, беспрепятственным и полным постижением всех предметов познания, поэтому, обладая знанием о том, как устранить «загрязнения ума» (*анусайя*) и познавая умы других существ, Будда способен давать учение разнообразными способами, в соответствии со склонностями и способностями учеников. Помогая им различными искусными средствами (*упайя*), он может использовать и чудеса в качестве таких искусных средств. В махаянских повествованиях о чудесах действия Будды не просто преобразуют физическое пространство, но преобразованиями этими изумляют учеников, подвигают к постижению дальнейших слов учителя. Будда совершает чудеса, после чего сразу же делится необходимыми знаниями. Удивление вдохновляет стремиться к высшему благу: существа, которые могут впасть в негативные формы существования, обращаются к срединному пути после увиденных чудес, а различные способности Будды подобны навыкам врача, который знает болезни существ и методы их лечения.

Включённость чудесных деяний в жизнеописание духовных деятелей является общей чертой многих религий, призванной показать уникальность святого и исключительность его образа действий. Святой уже с детства ничем не похож на других, он легко усваивает знания и отличается сверхъестественными способностями, его величие предсказывается задолго до рождения, а состояние прозрения сопровождается чудесами. В примере с Буддой мы видим, как экстраординарные силы делают его *persona sui generis*, несравнимой с людьми и богами. Его чудеса не являются сверхъестественным решением мирских проблем, они подчёркивают особую способность Будды превосходить сферы сансары и вести людей за её пределы. Таким образом, чудеса устанавливают уникальную святость Будды, начиная с первого поворота колеса учения: истинносущий «привёл в движение непревзойдённое колесо Дхармы, которое в этом мире не мог повернуть никакой учитель подвижников, никакой жрец-брахман, никакой бог, ни Мара, ни Брахма и никто другой. И в это же мгновение, в тот же самый момент, одновременно с тем, как этот возглас достиг небес Брахмы, все десять тысяч миров во Вселенной затряслись, задрожали, затрепетали и всё мироздание засияло несравненным светом, превосходящим лучезарность богов» [Андросов, 2008, 13].

Само восприятие чудес, согласно буддийским наставлениям, не способно наградить индивида истинным постижением реальности, оно лишь направляет свидетелей чудес к необходимости обучения и практики. Совершенно неверным является стремление в духовных практиках обрести способность творить чудеса или развить какие-то другие сверхъестественные качества – то, что в буддизме совокупно обозначается словом *сиддхи*. Такие стремления отвлекают от подлинной цели – достижения нирваны и прекращения страданий, они, напротив, привлекают индивида к сансарической реальности. Но *сиддхи* оказываются эпифеноменом, своего рода сопутствующим эффектом результативного движения по восьмеричному пути. Они проявляются, чтобы существа, встречаясь с ними, стремились к очищению и преобразованию своего ума. Настоящий чудотворец проявляет удивительные способности исключительно ради блага других существ.

Интерпретация «чуда Итигэлова» в современном буддийском дискурсе

Современные буддийские дискурсы о чуде нетленного тела Пандито Хамболамы XII Даши-Доржо Итигэлова требуют описания религиозного контекста этих дискурсов, то есть тибетской традиции буддизма. Эта традиция использует смерть как инструмент глубочайшей работы над сознанием. Считается, что смерть не является окончательным прекращением существования сознания, вместо страха перед смертью в нём возможны трансформация и осознанность перехода в другие формы существования. У практика Тантры это порождает непрекращающуюся подготовку к переживанию смерти, чтобы, когда они неожиданно наступят, быть способным удержать ясность видения и концентрации. Искусство умирания и его последовательные этапы, которые следует воспроизводить и тренировать при жизни, описаны в тантрических текстах и в «Тибетской книге мёртвых».

Согласно тибетскому учению, во время смерти происходит постепенное угасание первоэлементов, связанных с органами чувств. Внешне это выражается

в последовательном ослабевании физической силы, зрения, речи, телесного тепла. Внутренне это сопровождается возникновением разных образов – миража, дыма, искр. Считается, что кроме грубого сознания существуют наитончайшее сознание ясного света и тончайшая нерушимая жизненная сила («ветер»). Когда они остаются в теле и являются объектом медитации, то оно не разлагается – и это называется пребыванием в *тукдаме* – предсмертной медитации. Именно поэтому XXIV Пандито Хамбо-лама Дамбо Аюшев в своём официальном заявлении даёт следующее разъяснение: «Какой ветер и сознание должны находиться в теле, чтобы удерживать его от разложения долгие годы? Ответ очевиден. Это *самый тонкий ветер*, который лежит в основании Иллюзорного Тела или Самбхогакайи, и *совершенное сознание Ясный Свет* или Дхармакайя» [Васильева, 2014, 175].

Буддийская традиционная сангха России считает Хамбо-ламу великим учителем, который способен погрузится в состояние *тукдам*, когда физическое тело умершего в медитации не изменяется под влиянием времени и поддерживается наитончайшим сознанием ясного света. Неподготовленный индивид, встречаясь с нетипичными образами и переживаниями в процессе смерти, не распознаёт природу ума и теряет осознание, что может привести его к неконтролируемому, вынужденному перерождению в неблагоприятных условиях. Для йогина умирание никогда не проходит бесплодно, созерцание ясного света связано с постижением шуньяты, а в тантрической линии с достижением Дхармакайи и совершенного состояния Будды.

Известно, что у Хамбо-ламы Итигэлова имелся большой опыт Тантры, знания и практики которой являются тайными для обычного человека. Он получал посвящения у тантрического наставника и, по рассказам лам, был признан перерождением одного из *махасиддх*, то есть великого учителя, проявлявшего сверхспособности – сиддхи. Таким образом, способности Итигэлова рассматриваются в традиции как результат высокого уровня постижения и мудрости на тантрическом пути.

Длительность пребывания в *тукдаме*, а именно медитативное сосредоточение на ясном свете, зависит от волевой установки практикующего и от особенностей его практики. В среднем *тукдам* длится от нескольких дней до недели, после чего из него выходят. Даши-Доржо Итигэлов заявил об обретении его тела через 75 лет, значит, он совершенно намеренно определил для себя такую продолжительность *тукдама*, имея определённую благую цель. Возможно, лама чувствовал кризисные изменения в неустойчивом социальном мире и был в силах пожертвовать собой ради общественной пользы, чтобы его тело сыграло определённую идейно-смысловую роль для последующего сохранения и возрождения буддизма.

На сегодняшний день видно, как сакрализация Итигэлова оказывает влияние на социальные процессы Республики Бурятия, которая стала узнаваемой и притягивает людей со всего мира. На регулярной основе в ней проводятся международные конференции, посвящённые Итигэлову, действует Институт его имени, ламы в Иволгинском дацане берут на себя задачу по просвещению посетителей.

Нельзя сказать, что в публичном пространстве отсутствует критическая информация относительно «чуда Итигэлова». Выдвигаются версии о естественной мумификации тела или о искусственной консервации с применением соли, в Интернете публикуются фотографии тела, заставляющие сомневаться в его сохранности. Но по сравнению с общим объёмом информационных материалов об Итигэлове они весьма немногочисленны и требуют особых поисковых запросов. В общем же следует согласиться со словами Д.Д. Амоголоновой: «...несомненно что благодаря чуду не только возросло число паломников в Иволгинский дацан; во многом благодаря обсуждению темы феномена Итигэлова в средствах массовой информации и словарь обыденного языка начинают проникать понятия буддийской религии и философии – карма, сиддхи, мокша, самадхи и т.д. Проявляющие интерес к философским обоснованиям “чуда” получают разъяснения у лам, многие из которых охотно публикуют свои работы в научных сборниках» [Амоголонова, 2012, 66].

Заключение

Пожалуй, самая главная отличительная черта чудес в религиозных дискурсах Махаяны состоит в том, что они противопоставляют просветлённое восприя-

тие мира обыденному опыту для того, чтобы привычный способ существования и сансарические, непостоянные феномены предстали обманчивыми по сравнению с вечной и абсолютной реальностью и всеведением Будды. Удивительные явления символизируют выход за пределы предметности и субъектно-объектных отношений, они расширяют горизонт познания. Если совершение чудес не направлено на обретение их адресатами духовных добродетелей и постижение истины, то оно считается приземлённым и не ставится выше естественных явлений. Оно считается сансарически обусловленным и иллюзорным. Обычные люди считают такое чудо реальным событием, так как видят только то, что проявляется, но не понимают его природу и духовный результат. Существа, постигнувшие абсолютную реальность, могут использовать чудеса в качестве искусных средств для дидактических целей. Они способны выбирать наиболее подходящие для демонстрации чуда условия, место и время, когда ученики готовы извлечь из увиденного пользу. Высшим чудом в буддизме признаётся очищение ума от загрязнений и омрачений.

Таким образом, повествования о чудесах имеют, в основном, символический смысл. Они иллюстрируют то, что активность будд неограничена и сострадательна, а их качества доведены до совершенства и предоставляют образец для самосовершенствования. Все существа обладают возможностью стать буддой, сосредоточив ум на трансцендентной мудрости, высокой нравственности и великой искусности. Состояние буддовости выходит за рамки повседневности, оно необычно и потому чудесно.

В контексте этих суждений современные дискурсы о чуде ламы Итигэлова можно разделить на две группы. Первую образуют те, что транслируют буддийское понимание чуда как символа совершенных качеств, приобретаемых следованием Дхарме. Во вторую входят те, в которых рассказ о чуде является сообщением о невероятном событии. Для них чудо не символ, не знамение, не указание на особую реальность, а удивительное происшествие. Если дискурсы первой группы, отмечая экстраординарность феномена Итигэлова, не ставят акцент на сверхъестественности события, так как имеют объяснение ему в своей религиозной традиции, то для дискурсов второй группы тема сверхъестественности и невероятности является главной: именно для них важно то, живое ли это тело или мумия, долго ли будет сохраняться в прежнем состоянии или неизбежны процессы трансформации, к чему приведут эти процессы – распаду или восстановлению жизненных функций и т.п. Чем шире общественный резонанс, тем дальше смысловое поле дискурсов от буддийского понимания чудес.

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00254, <https://rscf.ru/project/23-28-00254/>

Acknowledgement

This work was supported by Russian Science Foundation under Grant number 23-28-0054 (URL: <https://rscf.ru/en/project/23-28-00254/>)

Библиографический список

1. Александрова, Н.В. Лестница до небес: чудо в картине мира буддиста-паломника (V–VII вв.) / Н.В. Александрова // *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. – 2021. – № 1. – С. 29–48.
2. Амоголонова, Д.Д. Возвращение Хамбо-ламы Итигэлова и новая концепция возрождения Бурятии / Д.Д. Амоголонова // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2012. – № 7. – С. 65–70.
3. Андросов, В.П. Буддийская классика Древней Индии. Слово Будды и трактаты Нагарджуны / В.П. Андросов. – М.: Открытый мир, 2008. – 512 с.
4. Баркова, А.Л. Буддийская мифология: уровни символики / А.Р. Баркова // *Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления*. – 2007. – Т. 1. – С. 498–533.

5. Красина, М.Н. Дискурс-анализ и методы их применения в междисциплинарных проектах / М.Н. Красина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2018. – № 2. – С. 159–165.
6. Ирхин, Ю.В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование / Ю.В. Ирхин // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 4. – С. 128–143.
7. Васильева, Я. Пандито Хамбо Лама Итигэлов. Смерти нет / Я. Васильева. – Улан-Удэ: Издание Института Итигэлова, 2014. – 191 с.
8. Переверзев, Е.В. Критический дискурс-анализ: от теории к практике/ Е.В. Переверзев // Язык. Текст. Дискурс. – 2009. – № 7. – С. 105–116.
9. Сутра о мудрости и глупости / Пер. с тиб. – М.: Восточная литература, 2002. – 320 с.
10. Шайк, С. ван. Буддийская магия. Столетия пророчания, целительства и чародейства / Сэм ван Шайк: Пер. с англ. – СПб.: Академия исследований культуры, 2022. – 240 с.
11. Трубникова, Н.Н. Закономерные чудеса: буддийский взгляд на чудесное в «Собрании стародавних повестей». Часть I / Н.Н. Трубникова // Вопросы философии. – 2019. – № 2. – С. 82–93.
12. Фишер, Р.Е. Искусство буддизма / Р.Е. Фишер: Пер. с англ. – М.: Слово, 2001. – 224 с.
13. Хижняк, О.С. Буддийские мифы и легенды: опыт рационального осмысления (на материале ступы) / О.С. Хижняк // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2011. – № 3. – С. 26–33.
14. Granoff, Ph. The Ambiguity of Miracles: Buddhist Understandings of Supernatural Power / Ph. Granoff // *East and West*. – 1996. – Vol. 46. – No. 1/2. – P. 79–96.
15. Glenn, W. Do you Believe in Miracles? Debating the Supernatural in Buddhism *Buddhadharma* / W. Glenn // *The Practitioner's Quarterly*. – 2008. – Vol. 7. – No. 1. – P. 40–64.
16. Fiordalis, D.V. Miracles and Superhuman Powers in South Asian Buddhist Literature / D.V. Fiordalis // PhD diss. – University of Michigan, 2008. – 224 p.
17. Fiordalis, D.V. Miracles in Indian Buddhist narratives and doctrine / D.V. Fiordalis // *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. – 2011. – Vol. 33. – No. 1–2. – P. 381–408.
18. Fiordalis, D.V. The Buddha's Great Miracle, a Flowering Sprig from Kṣemendra's Wish-Fulfilling Vine of Tales of the Bodhisattva (Bodhisattvāvadānakalpalatā): English Translation with Editions of the Sanskrit Text and Tibetan Translation / D.V. Fiordalis // *Korea Journal of Buddhist Studies*. – 2021. – No. 6. – P. 45–121.
19. Fiordalis, D.V. The Buddha's Great Miracle at Śrāvastī: a Translation from the Tibetan Mūlasarvāstivāda-vinaya / D.V. Fiordalis // *Asian Literature and Translation*. – 2014. – Vol. 2. – No. 3. – P. 1–33.

Текст поступил в редакцию 13.03.2024.
Принят к печати 12.04.2024.
Опубликован 26.09.2024.

References

1. Aleksandrova N.V. *Studia Religiosa Rossica*. 2021, no. 1, pp. 29–48 (in Russian).
2. Amogolonova D.D. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [BSU Bulletin]. 2012, no. 7, pp. 65–70 (in Russian).
3. Androssov V.P. *Buddijskaja klassika Drevnej Indii. Slovo Buddy i traktaty Nagardzhuny* [The Buddhist Classics of Ancient India. Buddha's Word and Nagarjuna's treatises]. Moscow: Otkrytyj mir Publ., 2008, 512 p. (in Russian).
4. Barkova A.L. *Trudy Objedinennogo nauchnogo centra problem kosmicheskogo myshlenija* [Proceedings of the Joint Scientific Center for Problems of Cosmic Thinking]. 2007, vol. 1, pp. 498–533 (in Russian).
5. Krasina M.N. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija* [Herald of Tver State University. Series: Philology]. 2018, no. 2, pp. 159–165 (in Russian).
6. Irhin Ju.V. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2014, no. 4, pp. 128–143 (in Russian).
7. Vasil'eva Ja. *Pandito Hambo Lama Itigelov. Smerti net* [Pandito Hambo Lama Itigelov. There is no death]. Ulan-Ude: Itigelov Institute Publ., 2014, 191 p. (in Russian).
8. Pereverzev E.V. *Jazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Discourse]. 2009, no 7, pp. 105–116 (in Russian).
9. *Zanlundo* (Russ. ed.: *Sutra o mudrosti i gluposti*). Moscow: Vostochnaja literatura Publ., 2002, 320 p.).
10. Sam van Schaik. *Buddhist magic: divination, healing, and enchantment* (Russ. ed.: Shajk S van. *Buddijskaja magija. Stoletija proricaniya, celitel'stva i charodejstva*). St.Petersburg: Akademija issledovanij kul'tury Publ., 2022, 240 p.
11. Trubnikova, N.N. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. 2019, no. 2, p. 82–93 (in Russian).
12. Fisher R.E. *Buddhist Art and Architecture* (Russ. ed.: Fisher R.E. *Iskusstvo buddizma*. Moscow M.: Slovo, 2001, 224 p.).

13. Hizhnjak O.S. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnoshenija* [The Bulletin of Saint Petersburg University. International Relations]. 2011, no.3, pp. 26–33 (in Russian).
14. Granoff, Ph. The Ambiguity of Miracles: Buddhist Understandings of Supernatural Power. *East and West*. 1996, vol. 46, no. 1/2, pp. 79–96.
15. Glenn, W. Do you Believe in Miracles? Debating the Supernatural in Buddhism Buddhadharma. *The Practitioner's Quarterly*. 2008, vol. 7, no. 1, pp. 40–64.
16. Fiordalis, D.V. Miracles and Superhuman Powers in South Asian Buddhist Literature. PhD diss., University of Michigan, 2008, 224 p.
17. Fiordalis, D.V. Miracles in Indian Buddhist narratives and doctrine *Journal of the International Association of Buddhist Studies*, 2011, vol. 33, no. 1–2, pp. 381–408.
18. Fiordalis, D.V. The Buddha's Great Miracle, a Flowering Sprig from Kṣemendra's Wish-Fulfilling Vine of Tales of the Bodhisattva (Bodhisattvāvadānakalpalatā): English Translation with Editions of the Sanskrit Text and Tibetan Translation. *Korea Journal of Buddhist Studies*. 2021, no. 6, pp. 45–121.
19. Fiordalis, D.V. The Buddha's Great Miracle at Śrāvastī: A Translation from the Tibetan Mūlasarvāstivādinaya *Asian Literature and Translation*. 2014, vol. 2, no. 3, pp. 1–33.

Submitted for publication: March 13, 2024.

Accepted for publication: April 12, 2024.

Published: September 26, 2024.